

Дмитриева М. С. – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского»

РОЖДЕННЫЙ ВЕКОН НА ВЕКА

«Он все испытал, все прошел... вся его жизнь была непрерывной борьбой, непрерывною победою».

А. Пушкин

Сегодня, в канун третьего тысячелетия, когда по-новому раскрывается смысл нашего настоящего и нашего Прошлого, особенно понятны слова В. И. Вернадского о том, что он не хочет и не считает желательным повторять сказанное о Ломоносове. Нас не может удовлетворить подкрашенное и идеологизированное «житие» гениального ученого. За два с лишним столетия точки зрения на Ломоносова и его деятельность, оценки его заслуг перед человечеством существенно менялись. Каждое поколение переписывает историю по-своему.

Но сегодня мы обращаемся к проступающей из-под хрестоматийного глянца фигуре живого Ломоносова — Колосса, вобравшего и аккумулирующего деятельную, духовную и интеллектуальную энергию всего 18-го века. Живого Ломоносова, составляющего плоть от плоти своего времени, своей страны, своего народа, и при этом по причине своей исключительности, масштабности, преждевременности, вынесшего на плечах своих тяжкую долю первопроходца.

Явление Ломоносова естественно и органично для Науки, для Страны, для Времени. Вторая треть 18-го века ознаменована сложнейшей культурной перестройкой всей жизни общества, его уклада, его самосознания. Новые Западные формы принимали не только государственное строительство, искусство, религиозная жизнь, но и наука. От Древней Руси, где грамота и наука бытовали только в монастырях (кроме двух очагов духовного образования – Славяно-греко-латинской и Киево-Могилянской академий) и присутствовали в переводах и списках с латинских книг, был сделан шаг к печатанию книг, к Академии, к рождающейся сфере научного общения. Это был нелегкий шаг, ибо в глубине общества продолжала еще царить ветхая старина прежних представлений, по коим «умствование рассматривалось, как вещь весьма душевредительная».

Вместе с тем, сама научная западноевропейская мысль, к которой потянулась Россия, по существу своему принимала иной характер. На смену силлогистике, сухому дедуцированию, отвлеченным построениям явилась наука с лабораторно-экспериментальной ориентацией. И главное, уже не в форме голого, одностороннего эмпиризма, а в единстве экспериментально-теоретического начала, с проникновением в детали конкретного, в разнообразие совершающегося вокруг и одновременно с глубоким сущностным осмыслением целого. Воплощением, вторжением этого нового экспериментально-теоретического знания в науку и явился Ломоносов с его готовностью и склонностью «к научным исканиям более чем к благам житейским».

Явление Ломоносова столь же естественно, сколь и необычно, в связи с тем, что он вышел из глубин народа, что он родился, вырос и «блеснул, подобно Северному сиянию», на берегу Северного моря. Ломоносову чрезвычайно помогло, по словам Плеханова Г. В., то обстоятельство, что он был архангельским мужиком, мужиком-поморцем...

Ломоносов – сын славного рода поморов, потомков вольных новгородских переселенцев, избежавших практически доли российского крепостничества. Предки Ломоносова, освоив с XI века суровый край Поморья, вступили в выгодные торгово-экономические отношения с Северной Европой, развернули не только рыболовство, морехождение, судостроение, но и «соляным торгом обогащались». К 18-му веку уклад жизни отрезанных от России бездорожьем, волевых, предприимчивых, закаленных суровым климатом поморов практически не изменился. Он-то и заложил основы могучей натуры Ломоносова.

От отца – потомственного помора Василия Дорофеевича, зажиточного, хозяйственного, опытного морехода и рыбака – Ломоносов унаследовал несокрушимый здравый смысл, практическую сметливость, упорство, чувство собственного достоинства. Мать свою Елену Ивановну Савкову, которая была дочерью местного дьякона, Ломоносов потерял в раннем возрасте, ее сменила мачеха. Работящий, здоровый, наделенный недоужинной физической силой ребенок рос под присмотром отца, бравшего сына в отдаленное плавание, на ловлю рыбы, в поездки по торговым надобностям. Ломоносов с детства проникался – сознательно и бессознательно – впечатлениями и наблюдениями современной ему жизни народа – труда рыбаков, солеваров, двинских литейщиков, кузнецов,

соловецких монахов.

Подростком Ломоносов посещает церковь, обучается и успешно овладевает пением на клиросе, затем переживает полосу увлечения старообрядчеством (на севере раскол церковный, как известно, пустил особо глубокие корни). Однако богонацеленность, отрешенность от жизни оттолкнула Ломоносова. Он отошел от религии навсегда, и в его трудах, в последующей жизни следов этих увлечений не осталось. Всю свою энергию, пылкость, любознательность Ломоносов обратил к знанию, к науке, используя сначала возможности родного края, а когда исчерпал их, решительно шагнул в большой мир. В 19 лет уйдя из дома, Ломоносов в Холмогорской воеводской канцелярии без ведома отца оформляет себе паспорт, выплачивает за себя подушную подать и с рыбным обозом совершает в декабре 1730 года известный всему миру пеший переход до Москвы, где он наметил продолжить свое образование.

Годы 1731-35 – это время обучения М. В. Ломоносова в Славяно-греко-латинской академии в г. Москве, время напряженной работы, жизни впроголодь и одержимости в овладении навыками самостоятельного мышления. С переходом в класс философии Ломоносов просит командировку в Киев для прохождения годичного курса обучения в Киевской духовной академии

и получения естественно-научных, как он рассчитывал, знаний. Несмотря на то, что в послепетровское время Киевская духовная академия почиталась на Руси вершиной образовательной лестницы, естественные науки здесь не преподавались, и Ломоносов был занят изучением логики, метафизики, совершенствовал свои знания по латыни. Окунувшись с интересом в своеобразную жизнь украинского народа, Ломоносов знакомится со стариной Киева, посещает Софийский собор, Пещеру в Лавре, слушает кобзарей, лирников на улицах города. Видел Ломоносов украинские степи, наблюдал соляные промыслы. Выход своим впечатлениям он впоследствии дал в диссертации «О рождении природной селитры. О слоях земных».

В ноябре 1735 года Ломоносов в числе 12 лучших учеников направляется в Петербургскую Академию Наук. Богословом Ломоносов не стал. Вихрь эпохи гонит его далее, и в сентябре 1736 года вместе с двумя студентами Академии Райзером и Виноградовым Ломоносова посылают в Германию для обучения горному делу и естественным наукам. Это была третья ступенька в ученическом продвижении Ломоносова, если считать Холмогорскую Словесную школу (плюс занятия с грамотой владеющими соседями, от которых в дар получил учебники того времени: Магницкого и Смотрицкого) и вторую ступень – академии Киева и Москвы.

Сам путь «в заграницу» после богословских школ-академий традиционно для того времени и того поколения. Однако далеко нетрадиционен был результат пятилетнего пребывания студента в чужих краях. В овладении фундаментальными науками и прикладными знаниями он проявил усердие ученика, широту и самостоятельность исследователя. Он овладел французским и немецким языками, сделал невиданные успехи в русском языке и стихосложении. Он прислал в Петербургскую Академию две научных диссертации и руководство по правилам русского стихосложения. Это время было для Ломоносова сразу постижением и высот науки и дна жизни. Как в свое время среди московских охотников, за границей Ломоносов вел полуголодную жизнь.

Восстав против косности взглядов одного из немецких профессоров, металлурга и химика Генкеля, против его намеренного содержания студентов русских в состоянии нищеты и унижения, Ломоносов покидает Фрейнберг. Оставшись совершенно без средств, пешком он проходит ряд земель Западной Европы, изучает рудники Гессена, Зигена и других городов, чуть не оказывается завербованным пожизненно в ряды прусской армии. И наконец, победив «действие сил, со всех сторон навалившихся на него и отвращающих от науки», преодолев трудности жизни на чужбине, Ломоносов возвращается на Родину.

Трудности сопровождают, к сожалению, его и в дальнейшей жизни, и бедность тоже. Когда мы восхищаемся объемом содеянного гением, мы забываем, что Ломоносов каждый день, всегда должен был зарабатывать на жизнь себе и семье. Женится он в 1739 году, тайно, в Марбурге на Елизе Христине

Цильх, дочери квартирного хозяина, местного портного. В 1744 году жена приехала к Михаилу Васильевичу в Петербург. Позже у них родилась дочь. Известно, что внучка Ломоносова вышла замуж за Н. Н. Раевского, героя войны 1812 года, а их дочь Мария Николаевна стала женой декабриста С. Г. Волконского. К отцу Ломоносов никогда не обращался. В родные края не приезжал ни разу. Хотя архангельских мужиков охотно принимали на веранде построенного, наконец, в 60-х годах на Мойке в Петербурге собственного дома.

Восстанавливая живой образ Ломоносова, нельзя не отметить поразительный объем сделанного

им за немногие годы его жизни. Он собирался показать «хотя некоторые приступы ко всем, мне знакомым наукам». И добавлял: «все их я сам не совершу. Однако начну. После меня легче делать». Не менее впечатляющим в Ломоносове было его глубокое понимание неразрывной связи всех видов человеческой деятельности, его в буквальном смысле бес предель ный э н ц и к л о п е д и з м , обнимающий мир человека в целом, где, по словам В. Г. Белинского, Ломоносов «все должен был сделать сам, всему положить начало». Академик Вавилов С. И. в 1939 г. на юбилейной сессии памяти Ломоносова подчеркнул, что по необъятности его интересов Ломоносову принадлежит одно из видных мест в культурной истории человечества, что даже Леонардо да Винчи, Лейбниц, Франклин и Гёте были более специальными и сосредоточены. В этой необъятной многогранности ломоносовского таланта и активности Вавилов С. И. высветил замечательную особенность. Он подчеркнул, что ни одно дело, начатое Ломоносовым, будь то физико-химические исследования, составление грамматики и русской истории или организация и управление фабрикой, географические проекты или политэкономические вопросы – все это не делалось им против воли или даже безразлично. Ломоносов всегда был увлечен своим делом до вдохновения и самозабвения.

Мы, потомки, в долгу перед Ломоносовым, ибо не изучали до сих пор характер и стиль работы его, позволившие ему осуществлять столь огромный объем разнообразных дел, не замкнуться в стенах кабинета, не утратить своей гражданственности, не порвать с горячо любимой природой. Ломоносов — исключительный тип ученого: глубокий теоретик, первооткрыватель ряда наук, он в то же время виртуоз эксперимента и лабораторных исследований, создатель технических приспособлений, приборов, измерительных механизмов. Он – Мастер с большой буквы.

Работоспособность его невероятна: за 8 месяцев вынужденного пребывания дома, например, он пишет 276 заметок по физике и корпускулярной философии. Возрождая искусство мозаики, создает теорию цветного стекла и проводит около 4 тысяч опытов. Любимую свою науку химию (а он называл ее своей главной профессией) Ломоносов сумел поднять от ремесленного уровня до теоретического, при этом он создал химическую лабораторию – первое в истории России исследовательское учреждение, где он сам провел свыше тысячи опытов.

Всю эту работу Ломоносов осуществлял в крайне трудных условиях, не имея необходимого оборудования, штата работников, средств и просто свободного для этого времени. «В мастерских людях здесь великая скудность, – сетует он в письме к графу И. И. Шувалову, – для делания для себя электрической машины столяра не мог за деньги достать. И для того по сие время вместо земной машины служат мне иногда облака, к которым я с кровли шест выставил... » Месяц спустя Ломоносов сообщает тому же Шувалову о том, что во время опыта с этой самой машиной от удара шаровой молнии погиб его друг профессор Рихман. «Хотя голова моя и много зачинает, – да руки одни, и хотя во многих случаях можно было бы употребить чужие, да приказать не имею власти», – огорчается он далее.

Живого Ломоносова модно представить в его лаборатории, в мастерской, напряженно работающим со своими помощниками «лаборантами» – безвестными Гришками, Кирюшками, Андрюшками. Проявляя сметливость и изобретательность, он своими руками мастерит приборы, подобие которых угадывается в предметах деревенского обихода, утвари, упряжи, в народных глиняных, стекольных, ружейных производствах, наблюдать которые довелось ему еще в юношеские годы.

От приборов Ломоносов делает шаг к научной терминологии: нельзя перечислить названия физических инструментов и натуральных вещей, включенных им впервые в научно-практическое употребление с надеждой, что «они со временем через употребление знакомее будут».

Поразительно то, насколько деятельность Ломоносова была связана с практическими запросами времени. Он во всем искал приложение науки к жизни, искал в самой науке силы для улучшения жизни человечества. А. С. Пушкин очень метко назвал Ломоносова «самобытным сподвижником просвещения». Собственная педагогическая деятельность Ломоносова может быть предметом особого рассмотрения, вместе с тем, он видел дело просвещения в России масштабно. В ответ на реплику своих недругов о том, «куда ученых девать и употреблять будете?!» Ломоносов дает целый перечень дел: «1. В Сибирь пространно. 2. Горные дела. 3. Фабрики. 4. Ход севером. 5. Сохранение народа. 6. Архитектура. 7. Правосудие. 8. Исправление нравов 9. Купечество и сообщение с ориентиром. 10. Военное дело. 11. Единство чистая (дружба) веры. 12. Земледельство. Предзнание погоды». – Это же целый масштабный план социально-экономического развития русской державы, актуальный и в третьем тысячелетии!

Так масштабно мыслил ученый XVIII века, уже тогда всемирно известный, избранный членом

Болонской Академии Наук, почетным членом Шведской Академии Наук, членом Академии Художеств в Петербурге. На непризнание и докучливые наветы недругов и невежественных придворных этот выходец из крестьян, сохранивший чувство собственного достоинства и врожденную «благородную упрямку» свою, отвечал известной крылатой фразой: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет».

Имя Михаила Васильевича Ломоносова навсегда связано с Академией, хотя в год ее основания он только взял в руки свои первые книжки – славянскую грамматику Милентия Смотрицкого и арифметику Леонтия Магницкого, – те самые, которые Ломоносов назвал «вратами своей учености». М. В. Ломоносов прослужил в Академии более 30 лет, с ноября 1735 г., когда Михайло Ломоносов в числе 12 лучших воспитанников Славяно-греко-латинской академии для продолжения образования был назначен и принят «на академический кошт», до дня смерти, когда он в постели диктовал прошение – доверенность в Сенат о наследии своего мозаичного дела.

Не будем приукрашивать: эти нелегкие тридцать лет были наполнены для ученого непрерывной борьбой. Еще 1742 г. Ломоносов дал обещание «не допускать больше владеть над наукой людям малоученым». Он был верен этому обещанию всю жизнь и прилагал огромные усилия, чтобы «очистить от беспорядков Академию не для одних иностранцев, паче для своих».

Научная работа Российской Академии Наук начиналась иностранцами, которые своей благородной деятельностью внесли значительный вклад от научной культуры Запада. Ломоносов всемерно способствовал тому, чтобы «результаты европейской науки сделать составной частью нашей умственной атмосферы». Он был дружен со многими учеными-иностранцами: с Леонардом Эйлером, действительным а затем почетным членом Академии, с Рихманом Георгом Вильгельмом и др. Вместе с тем, в Россию в то время хлынуло много проходимцев, карьеристов, неучей. Они нередко попадали в Академию и прочно устраивались там на теплые, высокооплачиваемые места, тормозили развитие научной мысли. На этих-то «малоученых, которые... спорят так, что видя, не видят и слыша, не слышат», которые препятствуют передовой отечественной науке, а также на их русских союзников во влиятельных кругах правительства и общества дерзал нападать Ломоносов, от них защищал будущее науки.

Будучи борцом по натуре, имея характер горячий и неустойчивый, Ломоносов позволял себе неблагоприятные взрывы и выпады, вел резко споры, заканчивающиеся порою конфликтами. А на него в ответ на это обрушивались лавиной провокации, доносы, помехи и административные задержки и проволочки. Это подрывало энергию научных поисков, отнимало время и «наносило горестный ущерб чести» и самолюбию ученого. Ломоносов, подобно Гулливеру, барахтался в паутине лилипутских интриг, не имея от недоброжелателей покоя, задыхаясь в тяжелой обстановке непонимания, нужды, препятствий, оголтелого непризнания.

Главный противник Ломоносова академик Шумахер в письме к Эйлеру (1735 г.) вынужден был признать замечательный ломоносовский ум и особое перед прочими дарование, но сетовал при этом на несносные его высокомерие и тщеславие, «что будто бы высказанные им в рассуждениях мысли новы и принадлежат ему». И это в то время, когда неоспоримый европейский авторитет – физик Л. Эйлер подчеркивает, что Ломоносов – «гениальный человек, который своими познаниями делает честь настолько же Академии, как и всей науке». Это в то время, когда Вольтер подготовленное Ломоносовым «Описание стрелецких бунтов» включает в свою «Историю России при Петре Великом».

Несправедливостей, осложнений, нелепо нагроможденных препятствий и унижений полна академическая карьера Ломоносова. На печати Санкт-Петербургской Академии Наук в те времена, между прочим, значилось: *Nie tuta peremnat!* (Здесь всякий безопасно пребывает). Однако тому, кто своими познаниями Академии честь делал, безопасное пребывание обеспечено не было.

По отправке за границу Ломоносову было обещано, что если он науки, обучаться коим посылается, поймет, то по возвращении получит должность профессора. Науки Ломоносов освоил отменно, о чем свидетельствовали присланные из Марбурга работы: две диссертации, труд «Элементы математической химии», а также ряд переводов и статей. Отзыва на представленные работы сделано не было. По возвращении в 1741 г. в Академию вместо обещанной должности профессора, Ломоносов получает должность адъюнкта физического класса с выдачей из назначенного оклада в 360 рублей лишь одной трети, да и та нередко выдавалась «на пропитание» академическими изданиями на продажу «за что дадут».

Звание профессора химии Ломоносов получает лишь в 1745 году. «Я великую ошибку в

политике своей сделал, что допустил Ломоносова в профессора», – горестно восклицает позже советник Канцелярии Академии тот же Шумахер. А зять его Тауберт, тот самый, что при открытии в Петербурге гимназии и университета заявил, Что ученых в России девать некуда, добавляет: «Разве нам десять Ломоносовых надобно? И один-то в тягость!» Здесь непременно добавится требуется, что будучи избранным на должность профессора, Ломоносов до смерти своей оставался единственным русским академиком-профессором! За 16 лет в состав Академии попал лишь новгородский дворянин В. Е. Адодуров, но профессора ему не дали.

Долгие 4 года выбивает Ломоносов разрешение и средства на создание при Академии Наук химической лаборатории, а когда в октябре 1748 г. работы по созданию лаборатории заканчиваются, ее возглавляет приглашенный из Голландии профессор Бугава. Ломоносова же «приставляют» к переводам с латыни. А чего стоит, например донос в комиссию Сената после умышленно спровоцированного конфликта с Шумахером, за чем последовало отстранение Ломоносова от присутствия в профессорском Собрании и помещение его на 8 месяцев под домашний арест с уменьшением вдвое жалования!

В «Материалах по жизни Ломоносова, собранных Покровским В. И., перечень подобных выпадов и историй очень длинен. Когда недоброжелатели восстают против пожалования Ломоносова в V класс, хотя в IV классе он служит уже девятый год. Когда чинят препятствия чтению лекций Ломоносова – публичных и учебных. Когда отбирают помещение химической лаборатории и стараются убрать из академического корпуса курируемые Ломоносовым Университет и гимназию. Когда не допускают Ломоносова до руководства подготовленными им же самим экспедициями в неисследованные земли России. Когда запрещается печатание созданных с участием Ломоносова географических карт России из-за мелких погрешностей опечаток. Когда под предлогом волокиты делопроизводства и оформления документов любимый департамент Ломоносова отдают другому профессору. Когда приостанавливают издание его сочинений.

Наконец, когда отнимают у Ломоносова университет. Тот самый Московский университет, создателем которого он сегодня запечатлен в памяти каждого из нас. «Университет – главное мое увлечение!» с гордостью говорил Ломоносов, отдавая массу времени разработке проекта, составлению планов и программ. Он подготовил условия для чтения лекций в университете на русском языке (впервые в мире не на латыни), для демократических условий набора слушателей из разных сословий. Ломоносов сам считал себя и был на самом деле «не просто участником, но первую причину в основание его подавшей».

Но на торжественном открытии университета в Москве 26 апреля (7 мая) 1755 года Ломоносова не было. Приветственное слово на открытии Университета читал ученик М. В. Ломоносова, впоследствии профессор красноречия этого университета Поповский. Сам факт открытия Университета был прославлен современниками как «мудрый поступок» Екатерины II-ой и графа Шувалова.

При всем этом странно ли, что того же дня 26 апреля 1755 года М. В. Ломоносовым на академическом собрании в Петербурге было произнесено «Слово похвальное Петру Великому» странно ли, что ни в одном из документов, связанных с основанием Московского Университета, представленных в Сенат или опубликованных, имя Ломоносова не упоминается? Впрочем, равно как сам Ломоносов в перечне своих научных работ, составленном за два месяца до кончины, о Московском Университете (о своем увлечении-то!) даже не упоминает. Тогда как все действия свои по руководству Петербургским университетом и гимназией он описывает подробно.

И вот завершающее событие жизни Ломоносова в родной Академии отставка его. Нам всем известна гордая фраза Ломоносова в споре с графом Шуваловым И. И., пригрозившим отставить его от Академии: «Разве Академию от меня отставят». Так что же – это свершилось? В упомянутой выше книге Пекарского цитируется письмо Миллера от 16 мая 1763 года, где он, ссылаясь на собственноручный Указ императрицы Екатерины 11-ой от 2 мая 1763 года, пишет о том, что Академия освобождена от Ломоносова, «который увольняется до своей кончины от всех должностей и впредь будет поль зоваться половинным жалованием (von aller Dienste bis an sein Ende erlasten ist)».

До сих пор неизвестна причина, побудившая императрицу написать подобный указ об увольнении. Неизвестно и то, каким образом Ломоносов оказался вскоре на прежнем месте советника Канцелярии Академии Наук. К тому же, в декабре 1763 года Ломоносов был произведен в статские советники, чего он до этого момента так долго и так неуспешно добивался. Подчеркнем, что документально сам факт временной и внезапной отставки подтверждается подписью самого

Ломоносова от 15 мая 1763 г., где он удостоверяет свой отказ подписать очередные бумаги по Академии, ввиду получения Указа об отставке.

Остается только предположить, сколько душевных сил, мужества и воли потребовалось ученому с мировым именем для противостояния подобным нападкам в своем отечестве, в своей родной Академии. Вся жизнь академика Ломоносова – это действительно многотрудный подвиг мужа, трагический путь первопроходца с трагическим концом.

О его конце академик В. И. Вернадский сказал в 1911 г. в пронзительных и точных словах: «4 апреля 1765 г. в Петербурге неожиданно скончался после непродолжительной болезни в полном расцвете сил, в разгаре научной и художественной работы писатель и ученый М. В. Ломоносов». Обращение к этим словам наводит на размышление: а не преждевременна ли эта смерть? Отчего такой здоровый – богатырски здоровый и выносливый, волевой, крепкий человек уходит так рано из жизни? Отчего так рано?

Чтобы не слушать возражений о том, что, де, средний возраст мужчин в ХУП-ХУШ веках... и т. д., мы взяли 25 имен современников Ломоносова, его коллег, сослуживцев по Академии: от Сумарокова, Тредьяковского, Шумахера, Миллера до Эйлера, Вольтера, Вольфа, Лапласа, Дальтона, Кеплера, Гельмгольца и др. Большинство из этих известных деятелей науки того времени прожили более 70 лет. Среди них, своих современников, Ломоносов скончался в самом раннем возрасте, исключая только троих своих современников. – Карно, поверженного на 36-ом году жизни такими страшными заболеваниями, как скарлатина, воспаление мозга и холера, обрушившимися на него одновременно. – Рихмана, друга Ломоносова, погибшего 42-х лет во время научного эксперимента по исследованию свойств природного электричества. – Лавуазье, чье имя связано в науке с именем Ломоносова и который был 52-х лет казнен в ходе Великой французской революции.

Ну, а Ломоносов? Может быть, правомерно говорить не о кончине, а о гибели, по крайней мере, о гибели под бременем ударов и тягот судьбы, о неизбежном итоге борьбы со своим веком гения, этим же веком преждевременно рожденного?

Последние слова Ломоносова полны печали человека, не имеющего учеников и преемников: «... Я вижу, что я должен умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть... Жалею только о том, что не мог я совершить всего того, что предпринял для пользы отечества, для приращения наук и для славы Академии, и теперь, при конце жизни моей, должен видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мной... »

Прогноз Ломоносова о забвении дел и идей его оказался верным, но краткосрочным. Современники простились с ним как со знаменитым русским писателем-поэтом, с неповторимой и своеобразной личностью, занявшей достойное место в первых рядах людей своего века. Но уже через сто лет потомки вспомнили о его трудах, идеях, начинаниях в науках. И фигура его стала представляться нам все более сильной, яркой и своеобразной. Прав был А. Пушкин, сказав, что вся жизнь его была непрерывной борьбой и непрерывной победой. Ломоносов жил и ушел из жизни как победитель.

Ломоносов победил, и его победа – те поразительные прозрения науки нашего времени, какие открываются перед нами в его работах, не понятых и непринятых современниками, а порой, оставшихся для них неизвестными. «Только в наше время, – писал в начале XX века В. И. Вернадский, – вскрылась прозревающая будущие пути научная мысль Ломоносова... Он жил в своем веке, в своем Петербурге и там, в Академии самостоятельно шел по пути, на который научная мысль окончательно вступила только в нашем XX-ом веке».

Ломоносов победил, потому что мы осознаем живое значение личности человека, доказавшего возможность творить, действовать и побеждать в обстановке непонимания, нужды и препятствий. Ломоносов служит нам образцом сейчас, когда научная мысль в Украине, в России – на всей нашей многострадальной земле вновь вынуждена доказывать свое право на существование.

Большое видится на расстоянии. И чем дальше мы отходим от времени Ломоносова, от эпохи, в которой жили и творили деятели мировой культуры и науки, подобные Ломоносову, тем с большей глубиной постигаем мы смысл их творчества, их явления среди людей. Говоря об этом, академик Вавилов С. вспомнил мысль древних: *Nabent sna fata libelli*. (Книги имеют свою судьбу) и подчеркнул: *pro captu lectoris* (В зависимости от восприятия читателей!) – Мы и есть читатели и восприимчивы подобных книг и судеб. Так было с Пушкиным, с Шекспиром, с Ньютоном. Так же произошло с Ломоносовым. Тем и велики великие, добавим мы, тем они и бессмертны.